

по старославянским образцам. Не всегда легко определить эти книжные русизмы в отношении к старославянскому материалу, так как общеславянское наследие в разных славянских языках того времени могло быть очень широким и однородным. Литературная обработка русского разговорного языка, по мнению В. М. Истрина, началась задолго до появления письменности, при устных переводах с греческого языка на русский, что было неизбежно при постоянных сношениях русских с греками.

Столь же важное значение для изучения структуры русского литературного языка древнейшего периода имеют исследования М. Н. Сперанского о русском переводе и позднейших переделках «Девгениева деяния». Здесь особенно ясно показана зависимость литературного языка этого памятника от народной словесности, в частности в широком применении поэтических сравнений с яко — как, в которых материал, как и в народной поэзии, главным образом берется из области животного царства и явлений природы (дождь, снег и т. п.).¹² На следы народного эпоса в Начальной летописи давно уже обращал внимание Н. И. Костомаров, а А. С. Орлов особо изучал этот элемент народной поэзии в литературном стиле русской исторической литературы XVI—XVII вв.¹³ В последнее время проблема связей древнерусского литературного языка с фольклором широко рассмотрена В. П. Адриановой-Перетц. Она показала, что народное творчество сыграло огромную роль в образовании и развитии древнерусской литературы и древнерусского литературного языка и что общенародный язык XI—XII вв., когда формировалась русская литература, заключал уже в себе большие художественные возможности и применялся древнейшими русскими писателями с подлинным поэтическим мастерством.¹⁴ Тот же факт исключительного значения народной разговорной речи при создании древнерусского литературного языка показали изыскания Д. С. Лихачева о языке новгородских летописей¹⁵ и многочисленные работы последних лет по изучению словаря «Слова о полку Игореве»,¹⁶ а также исследования Н. А. Мещерского в области русской переводной литературы, в частности о переводе Иосифа Флавия.¹⁷

В связи с приведенными исследованиями встает проблема отличия понятия языка письменности от литературного языка с его особыми культурно-общественными, в частности художественными, функциями и специфическими структурными свойствами по отношению к народной речи, как она записана в документальных памятниках в народно-областных диалектах.¹⁸ К таким памятникам живой народной речи принадлежит Русская Правда. Лексика этого памятника XI в., как это показал словарь к изданию Е. Ф. Карского,¹⁹ отражает чистую русскую народную речь. Новый драгоценный материал в данной области дало открытие многочис-

¹² М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922.

¹³ ИОРЯС, т. XIII, кн. 4. СПб., 1908.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц: 1) Древнерусская литература и фольклор. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949; 2) Историческая литература XI—начала XII в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 95—137; ср.: А. М. Астахова, Ответ на вопрос «Проблема взаимовлияния устной и книжной традиции у славянских народов». — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. (IV Международного съезда славистов). М., 1958, стр. 288—291.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Новгородские летописные своды XII в. (Автореферат). — ИОЛА, т. III, вып. 2—3. М., 1944, стр. 98—106.

¹⁶ Виноградов, стр. 72—73.

¹⁷ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

¹⁸ Виноградов, стр. 24—35.

¹⁹ Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 90—113.